

ДИСКУССИОННАЯ ПЛАТФОРМА

DISCUSSION PLATFORM

DOI: 10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.16

МАТЕРИАЛЫ К СРАВНИТЕЛЬНОМУ СЛОВАРЮ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Елена Львовна Березович

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
заведующая кафедрой русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации
Уральского федерального университета
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН
Почтовый адрес: ул. Мира, 19,
Екатеринбург, 620002, Россия
Электронный адрес: berezovich@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

Софья Гадисовна Гаджиева

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Отдела славянского языкознания
Института славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: gadzhieva-s@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8900-351X

Светлана Михайловна Толстая

Доктор филологических наук,
академик РАН,
заведующая Отделом этнолингвистики
и фольклора
Института славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: smtolstaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4531-0024

Аннотация

С 2024 г. в Институте славяноведения ведется работа над сравнительным идеографическим словарем славянских языков, включающим базовую лексику всех славянских языков и некоторых соседних с ними и взаимодействующих с ними языков — литовского, греческого, румынского, венгерского, албанского. Этот словарь представляет собой расширенную применительно к славянским языкам версию известного «Словаря избранных индоевропейских синонимов» Карла Бака, изданного в 1949 г., в котором славянский материал приводится неполно и отражает состояние славянской лексики, лексикологии и лексикографии середины XX века. Новый словарь должен представить базовую лексику славянских языков в ее нынешнем состоянии и в соответствии с уровнем современной лексикологии, семасиологии и этимологии. Подробнее о проекте, задачах и принципах составления словаря говорится в статье М. Н. Саенко, С. М. Толстой, Е. И. Якушкиной («Славяноведение». 2025. № 5). В настоящей публикации содержится подборка предварительных материалов к словарю, относящихся к различным тематическим рубриками идеографической систематизации — явлениям природы (Звезда, Белемнит, Лес, Река), категориям родства (Родство, родственники), животному миру (Кошка, кот; Щенок). В них предлагается семантический и типологический ком-

ментарий к межъязыковым синонимам славянских языков, т. е. анализируются типы номинации, мотивационные модели, представленные в славянской лексике, а также прослеживаются направления семантической эволюции соответствующих слов и понятий.

Ключевые слова

Славянские языки, лексика, идеографический подход, лексическая типология, принципы номинации, этнолингвистика

Статья поступила в редакцию 8 июля 2025 г.

Статья доработана автором 25 ноября 2025 г.

Статья принята в печать 5 декабря 2025 г.

Цитирование: Березович Е. Л., Гаджиеева С. Г., Толстая С. М. Материалы к сравнительному словарю славянских языков // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 321–343. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.116>

MATERIALS FOR A COMPARATIVE DICTIONARY OF SLAVIC LANGUAGES

Elena L. Berezovich

Doctor of Philology, Professor,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Russian Language,
General Linguistics, and Speech Communication,
Ural Federal University,
Leading Researcher,
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Postal address: 19 Mira St.,
Yekaterinburg, 620002, Russia
E-mail: berezovich@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

Sofia G. Gadzhieva

Ph. D., Senior Researcher,
Department of Slavic Linguistics,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
Email: gadzhieva-s@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8900-351X

Svetlana M. Tolstaya

Doctor of Philology,
Academician
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Ethnolinguistics
and Folklore,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
Email: smtolstaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4531-0024

Abstract

Since 2024, the Institute of Slavic Studies has been working on a comparative ideographic dictionary of Slavic languages. This dictionary includes the basic vocabulary of all Slavic languages and some neighboring and interacting languages — Lithuanian, Greek, Romanian, Hungarian, and Albanian. This dictionary is an expanded version of Karl Bak's well-known «Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages», published in 1949, which, while incomplete, reflects the state of Slavic

vocabulary, lexicology, and lexicography in the mid-20th century. The new dictionary aims to present the basic vocabulary of the Slavic languages in its current state and in accordance with the state of modern lexicology, semasiology, and etymology. The project, objectives, and principles of compiling the dictionary are discussed in more detail in the article by M. N. Saenko, S. M. Tolstaya, and E. I. Yakushkina (*Slavic Studies*, 2025, No. 5). This publication contains a selection of preliminary materials for the dictionary, relating to various thematic headings of the ideographic systematization — natural phenomena (Star, Belemnite, Forest, River), kinship categories (Kinship, Relatives), and wildlife (Cat, Tomcat; Puppy). The authors offer semantic and typological commentary on interlingual synonyms of the Slavic languages, i.e., they analyze the types of nomination and motivational models presented in the Slavic vocabulary, and trace the directions of the semantic evolution of the corresponding words and concepts.

Keywords

Slavic languages, Slavic vocabulary, ideographic approach, lexical typology, principles of nomination, Slavic ethnolinguistics

Received 8 July 2025

Revised 25 November 2025

Accepted 5 December 2025

For citation: Berezovich, E. L., Tolstaya, S. M., Gadzhieva, S. G., 2025. Materials for a comparative dictionary of Slavic languages. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 321–343. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.16>

Следующие ниже материалы представляют собой предварительные версии словарных статей для создаваемого в Институте славяноведения РАН синонимического словаря базовой лексики славянских языков. Словарь использует идеографическую рубрикацию «Словаря избранных индоевропейских синонимов», изданного в 1949 г. под редакцией чикагского профессора Карла Бака (1866–1955), для того чтобы славянская лексика была вписана в общий индоевропейский контекст. Словарь Бака имеет характерный подзаголовок: «К истории понятий», отражающий его идеографический характер, т. е. направление от понятий к выражающим их словам разных языков. Содержащиеся в словаре Бака славянские данные охватывают не все славянские языки (прежде всего в нем представлена лексика чешского, польского, болгарского, хорватского, русского и старославянского (церковнославянского); другие языки (словенский, лужицкие, украинский, белорусский) упоминаются главным образом в семантических и этимологических комментариях. Новый синонимический словарь славянских языков включает лексический материал всех 14 славянских языков и дополнительно лексику соседних со славянскими балканских — албанского, венгерского, румынского, новогреческого, а также литовского языка. Он призван отразить современное состояние славянских языков и современный уровень лексико-семантических и этимологических исследований в славистике, значительно изменившийся со времени словаря Бака. Подробнее о проекте, задачах и принципах составления нового словаря

см. в статье трех авторов, опубликованной в журнале «Славяноведение»¹. Публикуемые ниже пробные статьи относятся к трем из 22 тематических рубрик словаря: «Окружающий мир» (Звезда, Белемнит, Лес, Река), «Человек» (Родство, родственники), «Животный мир» (Животное, зверь, Кошка, кот, Щенок). В них дается семантический и типологический комментарий к межъязыковым синонимам славянских языков, т. е. выделяются типы номинации, мотивационные модели, приставленные в славянской лексике, а также направления семантической эволюции соответствующих слов и понятий.

ЗВЕЗДА

(рус. звездá; укр. зірка, зоря; бел. зорка; пол. gwiazda; каш. gwiôzda; полаб. gjozdë; в.-луж. hwězda; н.-луж. gwězda; чеш. hvězda; слвц. hviezda; болг. звездá; мак. svézda; серб. звёзда; хорв. zvijézda; слвн. zvězda; ст.-сл. и ц.-сл. sbězda; лит. žvaigždë; рум. stea; алб. ull; греч. αστέρων; венг. csillag).

В славянских языках представлены две основные номинации звезды: в русском, западнославянских и южнославянских — продолжения праслав. *gvězda, восходящего к и.-е. корню со значением ‘сиять, излучать свет’ (возможно, в сочетании с элементом *sta- ‘стоять’, т. е. с внутренней формой ‘стоячее светило’, в противоположность солнцу и месяцу (ЭССЯ 7: 181–182.)) и — в украинском и белорусском — дериваты праслав. *zor'a также со значением ‘свет’, связанного с глаголом *zýrēti ‘смотреть’ (ESJS 19: 1134). В некоторых укр. диалектах употребительно также название *gvězda, особенно в качестве названия рождественской звезды.

В славянской народной космологии звезды представляются детьми или сестрами Солнца и Месяца; их происхождение приписывается Христу-ребенку, который бросал вверх земляные шары, или Богу и Дьяволу, которые состязались, бросая камни в небо; по другим поверьям, они возникли из слез Христа, оплакивающего мир. Звезды называются также глазами Бога, окнами или дырами, через которые Бог наблюдает за земной жизнью. Звезды — украшение неба, они уподобляются драгоценным камням, серебру, золоту («Голубое поле серебром усыпано»). Они называются также гвоздями, прикрепленными к небесному своду (ср. загадку о небе и звездах: «Сито вито, гвоздями убито»), или горохом, рассыпанным по полю, скотом на пастбище, который пасет Месяц-пастух. Звезды выходят ночью из океана, а с восходом солнца снова погружаются в него.

Звезды в народных представлениях связаны с жизнью и судьбой человека: у каждого человека есть на небе своя звезда; при рождении ребенка на небе появляется новая звезда («зажигается свечка»), а в момент смерти она гаснет или падает с неба; по силе сияния звезды определяется здоровье,

¹ Саенко М. Н., Толстая С. М., Якушкина Е. И. Проект нового идеографического словаря славянских языков // Славяноведение. 2025. № 5. С. 67–79.

благополучие и удача человека в жизни; по звездам гадают о судьбе новорожденного. По некоторым поверьям, в звезды превращаются души умерших, в том числе самоубийц, утопленников, висельников и других грешников, обреченных на вечное скитание.

Сиянию звезд приписывалась магическая сила: выставленные под звезды одежда, зерно, приготовленное для посева, лекарственные травы, вода, предназначенная для лечения, и др. приобретали положительные защитные или продуцирующие свойства. Множество звезд служит символом неисчислимого количества (наряду с песком, маковыми зернами, листьями деревьев и т. п.) и символизирует обилие (зерна, скота, урожая и др.). При этом звезды запрещалось считать (нарушителю грозит появление бородавок, чирьев и т. п. по числу сосчитанных звезд), указывать на них пальцем из опасения натолкнуться на собственную звезду, которая в этом случае упадет с неба.

Мифологические толкования получают отдельные звезды и созвездия: Венера, Орион, Плеяды, Млечный путь, Большая медведица и др., названия которых и соответствующие поверья связаны с земной жизнью людей: земледелием, скотоводством, орудиями труда, домашними животными и птицами (солома, сноп, воз, сито, грабли, ковш; курочки, гуси, журавли, лось, конь, баран; косари, бабы и т. д.).

Литература:

СД. Т. 1; СД. Т. 2; SSSL 1/1; *Авілін Ц.* Паміж небам і зямлёй. Этнаастрономія. Мінск: Тэхналогія, 2015; *Младенова Д.* Звездното небе над нас: етнолингвистично изследване на балканските народни астроними. София: Marin Drinov, 2006.

C. M. Толстая

БЕЛЕМНИТ

(рус. громовая стрела, чертов палец, устар. перунка; бел. громавая страла, чортай палец; укр. громова стріла, чортів палець, диал. перун; польск. piorunowy kamień, prątek Boży, laska piorunowa; кашуб. g̃̄motni kam, djåbli pâlc; чеш. hromový klín; в.-луж. njewjedrowy kamjeń; болг. диал. гром падина, божса стрела; хорв. kamen swetog Pavla; серб. стрелица од грома; слвн. perunovi kamni, strela; лит. velnio kulkia, греч. βελεμνίτης).

Народные названия белемнита (и часто объединяемого с ним фульгурита и других окаменелостей) в славянских и других европейских языках отражают мифологические представления об их природе и происхождении. Можно выделить несколько основных мотивационных моделей.

1. Белемнит — продукт удара молнии (грома, Перуна): рус. громовая стрела (стрелка); бел. громавая страла (стрэлка), полес. громовáя кúля; укр. громова стріла (стрілка), гром, перун, перуняк; польск. piorunowy / pie-

runów / pioruński / od pioruna / z pioruna, gromowy / grzmotowy — kamień (kamyczek, kamuszek, kamyszek, kamyszczek), zimny piorun <холодная молния>, кашуб. g̃motni kam, g̃motník, чеш. hromový kámen, hromový klín <громовой камень, громовой клин>, морав. hromový kamének <громовой камешек>; в.-луж. njewjedrowy kamjeń <грозовой камень>, болг. пирина, гр. гром падина, босн. стрелица од грома <стрела молнии>, в.-серб. гром, словен. perunovi kamni.

Ср. лат. *lapis fulminis* <камень молнии>; греч. κεραυνίτης (*λίθος*) <κεραύνιος ‘громовой, грозовой’, лат. *ceraunia*, откуда ст.-рус. камень церавний.

2. Белемнит — атрибут и орудие Бога и других небесных персонажей, поражающих нечистую силу на земле:

Бог: рус. нижегор. божья стрелочка; бел. брест. божий пальчик, укр. волын. божий палец; болг. пирина. божса стрела;польск. *prątek Boży* <божья палка>, *strzałka Boża* <божья стрелка>, *palec (paluszek) Boży* <божий палец (пальчик)>; **Перун:** бел. борис. пярұнбóжжая стрелка, польск. *pręcik od pioruna* <палочка перуна>, *laska piorunowa* <перунова трость>, *kamień piorunowy* и др.; **Иисус, Богородица:** польск. *palec (paluszek) Pana Jezusa* <палец (пальчик) Иисуса>, *paluszek Matki Boskiej*; **Св. Илья:** рус. крым. ильинская стрелка, центр. стрелка Илии: «Илья бросает стрелы, поражая ими нечистых духов и грешников. <...> Стрелки Илии находят (через 7 лет) и лечатся ими от колотья в боку, покалывая больное место» (Ушаков), рязан., харьков. стрелка св. Ильи: «Местами громовые стрелки называют стрелками Св. Ильи и уверяют, что они сами выходят из земли через три-семь лет после удара молнии» (Ермолов 2013: 601); укр. «За громові стріли (святого Іллі) сприймали невеликі конусоподібні скам’янілі рештки белемнітів» (Темченко 2014: 154), хорв. «*Sv. Ilija* baca kamencice belemnite, strelice, na zmajeve» (Schneeweis 2005: 66); **Моисей:** нижегор. мосьев палец; **Николай-чудотворец:** в тексте заговора: ср.-урал. «Идёт святитель Николай-чудотворец Со всем святым во светлых ризах. Несет светлы громовы стрелы, Выбивает стреляет Из красной коровушки Двенадцать родимцов, Двенадцать уроков, Двенадцать костоломов»; **Петр, Павел:** хорв. *kamen swetog Pavla*, ср. итал. (Абруцци) *lingua di San Paolo* <язык святого Павла>, англ. *St. Peters fingers* <пальцы святого Петра>.

Орудием удара может служить не только стрела: рус. громовая стрела, стрела, стрелка, бел. громавая страла (<стрэлка>), перуновы стрелы, укр. громова стріла (<стрілка>), серб., хорват. стрела (*strijela*), болг. стрела, божса стрела, макед. стрелка, босн. стрелица од грома, словен. *strela*, польск. *strzała*, *strzałka*, *strzałka piorunowa*, *strzałka pazirowa*, ср. греч.: βέλεμνον ‘стрела’ → греч. βελεμνῖτης > нем. Belemnit, франц. *bélemnite* и др., но и меч: рус. сев.-зап. меч (и мечь, ж.р.): карел. «А бывает гроза, меч-то падает, её тоже находим, она вострая, вострая», божий меч, меч ярости господней, судный меч и проч.; **палка, прут, трость:** польск. *prąt*, *prątek* <палка, прут>, *prunek piorunowy*, *prąt od pioruna*, *pręcik od pioruna*

<палочка перуна>, *laska piorunowa* <перунова трость>, **клин**: польск. *klin*, *klin od grzmoty* <клин грома>, *klin piorunowy* <перунов клин>, чеш. *hromový klin*, ср. нем. *Donnerkeil* <громовой клин>, *Strahlkeil* <клин молнии>, швед. *torden kile* <громовой клин>, **пуля, ядро**: польск. *kula piorunowa* <перунова пуля (ядро)>, *kula od pioruna*, *kulka piorunowa*, литов. *velnio kulka* <пуля черта>, ср. герм. **молоток, топор**: нем. *Strahlhammer* <молниевый молоток>, *Donneräxt* <громовой топор>.

3. Белемнит — атрибут и орудие нечистой силы:

черт: рус. *чертов палец*: диал. арх. *чёртопоál*, костр. *чёртов напáлок*; **бес, шут**: арх. *бесов палец*: астрах. *шутовóй пáлец*, сарат. *шúтов палец*; укр. *чортів пале́ць*, бел. *чормаў пале́ц*, бел. *czortau̯ pazur* <чертов коготь>, польск. *palec czarta*, *czarci palec*, *palec diabla*, *paluszek czarta* <пальчик черта>, *diabli paluszek*, *diabli paznokieć* <ноготь дьявола>, *czarci paznokieć*, *zlego paznokieć*, польск. диал. *diabelski palec*, кашуб. *djábli pálc*. Ср.: литов. *velnio pirštas* <палец черта>, *ráganos pāpas* <сосок ведьмы>, *kaikaspėnys* <сосок домового>, *laímės pirštas* <палец Лауме (ведьмы)>, *laímės pāpas*, *laímės spenys* <сосок («титька») Лауме>; англ. *devil's finger* <палец дьявола>, *devil's toe-nail* <большой палец ноги дьявола>, нем. *Hexenfinger* <ведьмин палец>, *Teufelsfinger* <чертов палец>, итал. *dita del diavolo* <палец дьявола>.

4. Белемниты представляются **телесными частями нечистой силы** (реже **божественных сил**) и в их номинации используются следующие соматизмы: **палец**: рус. *чертов палец*, арх. *чёртопоál*, костр. *чёртов напáлок*, арх. *бесов палец*, астрах. *шутовóй пáлец*, сарат. *шúтов палец*, костр. *déдов палец*, моск. *дедушкины пальцы*, белгород. *волчий палец*, нижегор. *мосьев палец*, укр. *чортів пале́ць*, чернигов. *мязíнец*; бел. *чормаў пале́ц*, бел. *czortau̯ pazur*, польск. *palec czarta*, *czarci palec*, *palec diabla*, *paluszek czarta*, *diabli paluszek*, *diabli paznokieć*, *czarci paznokieć*, *zlego paznokieć*, *diabelski palec*, *strzałka pazurowa* <стрелка когтевая>; кашуб. *djábli pálc*; бел. брест. *божий пальчик*, укр. *волын. божий палец*, польск. *palec (paluszek) Boży*, *palec (paluszek) Pana Jezusa*, *paluszek Matki Boskiej*. Ср. литов. *velnio pirštas*, *laímės pirštas*, лат. *Idaei dactyli*, англ. *Fingerstein*, *devil's finger*, *devil's toe-nail* <большой палец ноги дьявола>, *St. Peters fingers*; нем. *Hexenfinger*, *Teufelsfinger*; **мужской член**: рус. костр. *шульчик-пáльчик*, *шúлец-пáлец*: «По-научному это чёртов палец, а мы говорим шулец-палец, или шульчик-пальчик. Это целебный камень, его к ранам прикладывают. Вот у овец копыта болят — натрут шулец-палец, засыпают им, это как бы лечит» (ЛКТЭ) (ср. рус. диал. *шúло*, *шúлы*, *шúля*, *шульно*, *шулáтко* и др. ‘мужские гениталии (чаще мошонка)’, в т.ч. костр. *шульни*, *шульня*, *шульги*); *шильчик-пáльчик*: «Собирали раньше такие шильчики-пальчики. Обычно это камни длинные такие. Их можно было прикладывать к больному месту» (Там же): результат аттракции *шульчик* к *шило*; **кость**: рус. стар. (XVII в.) *водянная кость*; ср. англ. *lightning-bone* <молниевая кость>; **глаза**: болг. *змейови очи*.

Ср. соматизмы в балтийских названиях белемнита: литов. *rāganos pāpas* <сосок ведьмы>, *kaīkaspenȳs* <сосок домового>, *lāim̄ės pirštas* <палец Лауме (ведьмы)>, *lāim̄ės pāpas*, *lāim̄ės spenȳs* <сосок («титька») Лауме>.

5. К этим номинациям примыкают сравнительно редкие у славян названия белемнита, отсылающие к **образам животного мира**, например, рус. белгород. *волчий палец*, болг. *змейови очи*. Сюда же относится рус. устар. *рысий камень* ‘камень продолговатый, толщиною в палец, иногда больше и меньше; круглый, заостренный, представляющий некое подобие копьца стрелы’ (XVIII в.),ср. нем. *Luchsstein* < лат. *Lapis lincis*. *Рысий камень* — название янтаря, полукалька с лат.;ср. устар. *линкур*, *линкуриум*, *линкурион* ‘янтарь’, *лингуриум* ‘янтарь или белемнит’ < лат. *lynx* ‘рысь’ и *urina* ‘моча’ Обозначение белемнита — результат метонимического переноса с названия янтаря, но осмыслено заново: белемниты, если их разбить, испускают запах, напоминающий запах кошачьей мочи.

6. Белемнит — атрибут предков, «древних людей»:

рус. костр. *дёдов палец*: «Где на речке мелко, там дедовы пальцы собирали. Играли ими в детстве, а потом узнали, что ими и лечиться можно. Их в ступе надо истолочь и на ранку посыпать» (ЛКТЭ); моск. *дедушкины пальцы*.

7. **Номинация по функции.** Белемнитам приписывалась магическая лечебная сила и в частности способность «снимать уроки», т. е. избавлять от последствий сглаза. Отсюда такое название белемнита, как рус. костр. *уро́чливый камень*: «Ну бегали раньше, искали урошиевые камешки. Мы их еще называли чёртовыми пальцами. Играли с ними во всякие игры», «Урошиевые камни на речке можно найти, они светятся, а я и в огороде их нахожу постоянно. У всех дома урошиевые камни были. Говорят, с них детей умывали, когда ребёнок орёт слишком» (ЛКТЭ).

Литература:

Влх. Богумил. Чертовы пальцы и Громовые стрелы: Магия и знахарство в славянской традиции. Москва: ТД Велигор, 2022; Кучко В. С. Традиция использования урошиевых камней в Кологривском районе Костромской области // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 186–199; Нелихов А. Е. Мифы окаменелостей: От костей великанов и пальцев водяных до зубов дракона и стрел с неба. М.: МИФ, 2025. С. 210–233; Рудинова И. И. Камни в народной магии и медицине русских Пермского края // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы. Монография / Отв. Ред. Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных. СПб: Маматов, 2024. С. 168–188; Яворский. Ю. Громовые стрелки. Очерк по истории южнорусского фольклора. Киевская старина. 1897. № 7–8. С. 227–238; Mazurkiewicz M. Kamień piorunowy w polszczyźnie i kulturze ludowej // Język i kultura. T. 1 / Pod red. J. Anusiewicza i J. Bartmińskiego. Wrocław, 1988. S. 251–262; Szafrańska A. Jak kamień piorunowy stał się belemnitem, a fulguryt kamieniem piorunowym // Bogactwo polszczyzny w świetle jej historii / Red. J. Przyklenk, W. Wilczek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016. Т. 6. С. 100–108.

E. Л. Березович

ЛЕС

(рус. лес; укр. ліс; бел. лес; пол. las; каш. las; полаб. ɋos; в.-луж. lěs, hola; н.-луж. góla, lěs; чеш. les; слвц. les, hora; болг. гора́; мак. шўма, гора; серб. шўма; хорв. šùma; слвн. gözd, lēs (книжн.); ст.-сл. и ц.-сл. лъсь, дразга; лит. miškas; рум. pădure, codru, braniște, silvă; алб. pyll; греч. δάσος; венг. erdő, erdőség)

Названия леса как растительного массива в славянских языках тесно связаны с наименованиями рельефа: с одной стороны, термины рельефа могут означать ‘лес’ (болг., мак. *гора*, слвц. *hora*), с другой — лесные термины могут иметь значение ‘возвышенность, гора’, например, *бор*). Семантический переход ‘гора’ > ‘лес’ известен в балтийских, германских, финно-угорских, тюркских и др. языках (Толстой 1969; 1978). Другая лексема со значением ‘лес’ — серб., мак. *шума*, хорв. ŝùma — не имеет надежной этимологии (народная этимология связывает его с шумом листвы деревьев в лесу). К праславянским названиям леса относятся, помимо *lěsъ и *gora, также *gvozdъ (сохраняется в слн. gòzd, ст.-чеш. hvozd, слвц. книжн. hvozd, в.-луж. hózdz, ст.-пол. gozd (ЭССЯ 7: 185–186)), *dręzga (ст.-сл., др.-рус. дразга, *dqbrava (во многих языках ‘дубовый лес, дубрава’, ‘лиственный лес’).

Если общее название леса в большинстве славянских языков представляют собой рефлексы праслав. *lěsъ, то лексическое поле, относящееся к видам леса (в зависимости от преобладающих пород деревьев, их возраста и размеров), чрезвычайно обширно (ср. *бор*, *дубрава*, *березник*, *ельник*, *ольшаник*, *буковый лес* и т. п.; *роща*, *гай* и т. п.). Лексика леса и география лесов разных пород (в первую очередь бук) играют важную роль в изучении этногенеза и миграций славян (Moszynski 1957; Popowska-Taborska 1991).

Лес как часть земного пространства, поросшая деревьями, в народной традиции противопоставлен освоенному, «культурному», домашнему пространству и воспринимается как чужой и опасный локус, находящийся во власти иномирных сил (лешего, блуда и других демонов) и близкий к тому свету. В заговорах в (на) лес отсылают болезни, стихийные бедствия и нечистую силу (ср. в колыбельной песне: «придет серенький волчок и утащит во лесок, под ракитовый кусток»); в лесу происходят всякие чудеса (например, в Иванову ночь цветет папоротник). В разных славянских традициях лес играл разную роль, что связано не только с природными условиями и укладом хозяйства, но и с мифологическими представлениями.

В качестве родственника п.-сл. *lěsъ рассматривают прежде всего др.-англ. *lēs* ‘луг, пастбище’ (ESJS 7: 414–415).

Литература:

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. Толстой Н. И. О славянских названиях деревьев: сосна—хвоя—бор // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 115–27. Babik Z. Pojednanie z lasen: w stulecie «argumentu florystycznego» w slawistycznych badaniach etnogenetycznych (1908–2008). Krakow, 2008.

C. M. Толстая

РЕКА

(рус. река; укр. річка (чаще), ríká; бел. рака; пол. rzeka; каш. rzéka; полаб. rekə; в.-луж. rěka; н.-луж. rěka; чеш. řeka; слвц. rieka; болг. река; мак. река; серб. река; хорв. rέka; слвн. rijéka; ст.-сл. рѣка; лит. īrė; рум. fluviu, râu; алб. lumi; греч. ποταμός, венг. folyó).

Помимо хозяйственной (рыболовство, сплав леса), транспортной (судоходство), социальной (поселения, коммуникация) роли, реки играли важную культурную роль: служили пространственным ориентиром и значимой границей, наделялись символическим значением в поверьях и ритуалах. Главным признаком языкового образа реки является ее течение (в отличие от моря, озера), одностороннее движение воды, отсюда значимость **начала и конца** этого движения — от истоков реки к устью. Истоки реки в вост.-слав. и болг. языках продолжают праслав. *iz/vy-tokъ, в ю.-слав. — *izvorъ, *izvirъ, тогда как з.-слав. языки имеют разные лексемы: пол. źródło, początek rzeki, чеш. počátek řeky, слц. zdroje. Устье реки получает «анатомическое» обозначение: *ustъje (< *usta ‘рот’) во всех языках, кроме укр., где устье называется *гирло*. Анатомическая мотивация характерна и для номинации рукавов реки: название **руки** лежит в основе мак. раката на реката, слн. roka reke, а также вост.- и юж.-слав. называний ‘рукав реки’ (рус. рукав реки, укр. рукав річки, бел. рукаў ракі, чеш. rukav řeky, болг. речен ръкав, серб. речни рукав), название **плеча** представлено в пол. ramię rzeki, слвц. rameno rieky; название **ноги** — в босн. krak rijeke, хорв. riječni krak (в этиологических легендах реки уподобляются кровеносным сосудам человеческого тела). Приток реки в большинстве языков называется дериватом праслав. *pritokъ или *prítoka (укр., мак.); выделяются на общем фоне пол. dopływ, хорв. potok. В исследованиях по славянской гидронимии отмечается практика именования правых и левых притоков рек, ориентируясь против течения (ср. многочисленные реки и речки с названием Десна, представляющие собой не правые, а левые притоки).

В слав. языках реки имеют «вертикальный» образ и трактуются в терминах **верха и низа**: ср. рус. верховья реки, верхнее и нижнее течение, вверх по реке, вниз по реке, бел.верх па рацэ, уніз па рацэ, укр. вгору по ріцці, вниз по ріцці, болг. на горе по реката, на долу по реката, мак. горна, долна река, серб. узводно, низводно, хорв. uzvodno, nizvodno, слн. gor, dol, пол. góra rzeki, dól rzeki, w góre rzeki, w dól rzeki, чеш. nahoru po řece, dolů po řece, слц. proti prúdu, po prúde.

Текущей речной воде в магической практике приписывались два основных значения: 1) **продуцирующее**: поение и кропление речной водой скота способствовало увеличению надоев, а кормящей матери обеспечивало обилие грудного молока; омовению в реке, кроплению речной водой придавалось оздоровляющее и целительное действие, а также считалось средством ускорения роста (для этого воду следовало зачерпывать по течению, а не против течения или набирать ее в месте слияния двух потоков

или ручьев); 2) **защитное**: по реке отправляли за пределы «своего» пространства, в иной мир опасные предметы (например, одежду больного и умершего, посуду, из которой омывали покойника, солому, на которой он лежал; насекомых-вредителей, сделанный ведьмой залом на колосьях и др.) и предметы, отслужившие свой век (в т. ч. старые иконы, скорлупу от пасхальных яиц, обрядовое деревце, венки и иной реквизит).

Реки служили важнейшей **границей**, разделяющей свое и чужое пространство на земле, а также земной и потусторонний мир. По поверьям, душа покойника «перелетает» на тот свет по большой и глубокой реке (ср. рус. *забыть-река, забыть-вода*), по реке прибывают на этот свет дети, в реку бросают предметы для передачи на тот свет. Переправа с одного берега на другой сопровождалась специальными охранительными действиями и заговорами.

Литература:

СД Т. 4. С. 416–419; СSSL Т. 1/2. С. 324–350.

C. M. Толстая

РОДСТВО, РОДСТВЕННИКИ

(рус. родственники, родные; укр. ро́дичі, рідні; бел. сваякі, раднá (собир.), рóдзічы (разг.), крéўныя (разг.); пол. krewni; каш. krevní, krev, krevność; полаб. sújař дословно «свои»; в.-луж. příwuzni, swójbni; н.-луж. písowjzbne; чеш. příbuzní; слвц. príbuzní; болг. роднýни, срóдницы; мак. рóднини, róda (редк.); серб. роđбина (собир.), рођák, рођáци; хорв. rödbina, rôd, röđaci pl. (röđak sg.), pòrodica, fámilija (разг.); слвн. sorôdniki, žlâhta; ст.-сл. и ц.-сл. родъ, рождение (coll.), жжика (sg.) (м., ф.), жжика (coll.), ближика (м.), сръдболя (ф.) (coll.); лит. gimtasis; рум. rude; алб. të afërt ‘близкие’; соj, fis соj, fis ‘род, клан’, farefis; греч. συγγενεῖς; венг. rokon (pl. rokonok).

В славянских языках и культуре родство как форма социальной организации, основанная на биологической, генетической связи людей, ассоциируется с понятиями жизненной силы, роста, воспроизведения (ср. *родить, рожать, урожай*), относится к высшим ценностям жизни и охраняется системой запретов и предписаний («родовой закон»). Для обозначения родства, помимо общих слов **род** (рус. *родной, родственник, родство*) и **племя** (рус. *племянник, без рода без племени*, серб. *племенит* ‘родовитый, благородный’), используются 1) соматизмы: **кровь** (ср. рус. *кровное родство, единокровный*, пол. *krewny* ‘родственник’, серб. *мушка крв, дебела крв* ‘родство по отцу’ и т.п.; исконно такие обозначения относились только к родству по мужской линии); **кость** (др.-рус. *кость* ‘род, племя’, серб. *кост* ‘порода, потомство’, пол. *z krwi i kosci* ‘исконный, родной’ и т.п.); **колено** (рус. *первое колено* ближайшие родственники, серб. *мушко колено* родственники по мужской линии); **семя** ‘потомство’ (рус. *Каково семя, таково*

и племя, серб. *кућу држи сљеме, а фамилију сјеме*; **плоть** (рус. плоть от плоти, серб. *син по пути* ‘родной сын’); **жила** (рус. диал. *жила* ‘семья, род’); **сердце** (серб. *деца од срца* ‘родные дети’), реже мясо, пуп, бедро, чрево и др. (Бјелетић 1999); 2) фитонимы: рус. *ветвь, плод, семя*, серб. лоза ‘линия родства’, ср. также южнославянские обращения молодых женщин к родственникам мужа типа *ружса, невен, калина, малина* и т.п. (Бјелетић 1996, 1999; СД 4: 441–445).

Кроме биологического (кровного) родства и свойства (родства по браку), у славян известны разнообразные формы вторичного, искусственного, ритуального родства: **молочное** (связь между ребенком и его семьей с кормилицей и ее семьей), **крестильное**, или кумовство, духовное родство (между крестными родителями, их семьей и крестником и его семьей), у сербов и болгар **шишано** или **стрижено кумство** (между ребенком, его семьей и лицом, совершившим ритуальную стрижку волос ребенку в первую годовщину его рождения), а также **побратимство** и **усыновление** (вид ритуального, символического родства, приравниваемого к кровному родству).

Литература:

Бјелетић M. Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 89–101; Бјелетић M. Кост од кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура. 1999. Бр. 4. С. 48–67; СД. Т. 4. С. 441–445; Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009.

С. М. Толстая

ЖИВОТНОЕ. ЗВЕРЬ

(рус. животное; зверь (дикий); укр. тварина; бел. жывёла, жывёліна; звер (дикий); пол. zwierzę; каш. zwierzā; полаб. sł'od; в.-луж. zwěrjo; н.-луж. zwěrje; чеш. zvíře, živočich (книжн.); слвц. zviera, živočich (книжн.); болг. животно; звяр (дикий); мак. животно; свер (дикий); серб. животиња; звёр (f. и m.) (дикий хищник); хорв. životinja; zvijér (f.) (дикий хищник); слвн. žival (f.); ст.-сл. и ц.-сл. звѣрь, животъно, животъ; рум. animal; алб. kafshë; греч. ζώο; венг. állat).

В отношении **общего наименования** представителей животного мира славянские языки делятся на две группы. В первую входят восточно- и южнославянские языки, где представлены дериваты причастной основы *živ- от глагола *žiti (за исключением укр.): рус. *животные*, диал. *жытьё, животы, живость, живность, жило* и т. п., бел. *жывёлы*, болг., мак. *животни*, серб. *животиње*, хорв. *životinje*, словен. *živali, živad*. Вторую группу составляют западнославянские языки, в которых общим названием служат дериваты праслав. имени *zvěrъ: пол. *zwierzęta* ‘все живые существа, кроме человека, в противоположность растениям’ (Borys 2005), чеш. *zvířata*, слвц. *zvieratá*, в.-луж., н.-луж. *zwěrina*. В действительности в обеих группах

языков известны оба типа номинаций, но при этом один из них является основным, а другой имеет семантическую, контекстную, стилистическую специфику или территориальное ограничение. Ср. (Руссо 2011).

Среди общих названий животных в славянских языках представлены следующие семантические модели: 1) ‘живеть’ > ‘животное’ (рус. *животные*, бел. *жывёлы*), 2) ‘дикое животное’ > ‘животное’ (пол. *zwierzęta*), 3) ‘создавать, творить’ > ‘животное’ (укр. *тварини*), 4) ‘немой’ > животное, скотина (укр. лемк. *nіминá*) и 5) шерсть > животное (бел. могил. *шарс'ц'йна*). Ср. (Руссо 2011).

Оппозиция «домашние животные — дикие животные» обычно выражается тремя способами: 1) с помощью дополнительных определений, прибавляемых к общему термину, например, пол. *zwierzęta dzikie – zwierzęta domowe*, бел. *дзікія жывёлы – хатні жывёлы* и т. п., 2) словообразательно, ср. рус. арханг. *живот* ‘домашние сельскохозяйственные животные, скотина’, *животина* ‘домашние животные’; 3) один из этих классов (как правило, домашние животные), имеет особое лексическое выражение, например, болг. *добитък* ‘домашние животные, скот’, серб. *стока* ‘то же’.

Общие названия **диких** животных в славянских языках обозначаются с помощью четырех, неравно распределенных, групп лексики: когнаты **zvērъ* абсолютно преобладают во всех группах языков; продолжения и дериваты лексем **dikъ* и **divъ* как общие названия отмечены в болгарских, македонских и словенских диалектах, а лексемы, восходящие к **živъ*, преимущественно распространены в восточноболгарских говорах, наряду с другими лексемами (ОЛА 2022, карта № 1).

Лексических номинаций и семантических моделей, относящихся к группировкам **домашних** животных, значительно больше, чем в классе диких животных, и в этом отношении славянские языки обнаруживают очень большое разнообразие. В литературных языках набор общих номинаций домашнего скота выглядит следующим образом: рус. *скот*, укр. *худоба*, бел. *быдла, статак*, пол. *bydło, dobytek, dobytok, statok, skot/skót*, болг. *добитък, стока*, мак. *стока, добитък*, с.-х. *стока/stoka*, слн. *živina*.

В номинациях животного мира используется также лексика **более широкого** значения, объединяющая животных с растениями и человеком. К ней относится, например, глагол **byti* и его дериваты, используемые для номинации как всего универсума, включая живые и неживые существа, природные явления и т. п.: **bytъ, *byto, *bytъje* (ЭССЯ 3: 155–156), так и его отдельных элементов разного уровня — растений, животных, абстрактных сущностей (ср., например, **bylъ, *bylъje* ‘трава, растения’, **bylina* ‘трава, стебель, растение’ (ЭССЯ 3: 149–152); ср. еще семантический спектр праславянского **bydlo*: ‘жилище, дом’, ‘животные’, ‘скот’, ‘крупный рогатый скот’ и др. (ЭССЯ 3: 147). Точно так же когнат ‘живеть’ закреплен как за общими понятиями (**žitъje, *žiznъ, *životъ* и т. п.), так и за классами и видами более низких ступеней классификации — животных, растений,

частей тела, пищи и др. (ср. бел. *жывёлы* ‘животные’, серб.-хорв. *životinje* ‘животные’, *živina* ‘домашняя птица, живность’; **žito* ‘жито’, рус. *живот*, *жила* и т. п.). К терминам универсального типа относятся также концепт и когнат ‘родить(ся)’ / **rodit̪i* (*sę*), объединяющий категории «человек», «животное», «растение», т. е. все живое (хотя для животного мира используются и специальные обозначения типа *телиться*, *котиться*, *ягниться* и т. п.). К этой же универсальной категории относится когнат ‘расти’ / **orst̪i* (применим к человеку, животным, растениям). В определенной мере сюда относится и концепт ‘смерть, умирать’ / **tъrti* (*sę*) и выражющие его лексические знаки, хотя для смерти животных существуют и другие номинации (ср. рус. *сдохнуть*, *околеть* и др.), ограниченно он применим к миру растений, тогда как для смерти людей существует множество эвфемистических номинаций (рус. *скончаться*, *уйти*, *преставиться*, серб. *преминути* и т. п.).

Литература:

Руссо М. М. Лексические источники названий «народных царств» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2011. № 3. С. 242–274; ОЛА; Толстая С. М. Лексическая типология и этнолингвистика // Слово и человек. К 100-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. М., 2023. С. 275–289. SSSL 3/1.

С. М. Толстая

КОШКА. КОТ

(рус. а) кóшка (gener.); б) кот; укр. а) кíшка, кítка (диал., разг.); б) kít (gener.); бел. а) кóшка; б) кот (gener.); пол. а) kotka; б) kot (gener.); каш. а) kótka; б) kót (gener.); полаб. а) tötái (gener.); б) töter, koter; в.-луж. а) kóčka (gener.); б) kocor; н.-луж. а) kóčka (gener.); б) kócor, kót; чеш. а) kočka (gener.); а) kocour; слвц. а) mačka (gener.); б) kocúr; болг. а) kóтка (gener.); б) котарапáк; мак. а) маčka (gener.); б) máchor; серб. а) маčka (gener.); б) máčak, máčbor; хорв. а) mäčka (gener.); б) máčak; слвн. а) mâčka (gener.); б) mäček; лит. а) katė; б) kâtinas; рум. а) pisică (gener.); б) pisoi, motan; алб. а) máce; б) mǎçók; греч. γάτα; венг. macska, cica (экспр., дет.), kandúr)

В значении ‘кошка’ в славянских языках используются две главных лексемы: 1) продолжения п.-сл. *кóть (восточно- и западнослав. языки, а также болгарский) и 2) инновационное *маčка (остальные ю.-слав. языки). В качестве родового названия в большинстве славянских языков выступает название самки, за исключением украинского, белорусского, польского и кашубского: укр. *кіт*, бел. *кот*, пол. *kot* и каш. *kót*.

Основное название используется также для обозначения всего рода *Felis* (кошек небольшого размера — домашней кошки и ее ближайших диких родственников (лесная кошка и др.). Форма множ. числа в ряде слав.

языков обозначает все семейство кошачьих (*Felidae*): болг. *кóтки*, мак. *máčki*, серб. *маčke*, хорв. *máčke*, слвн. *máčke*, в.-луж. *kóčki*, н.-луж. *kóčki*. В рус. и чеш. такое употребление (рус. *кóшки*, чеш. *kočky* ‘кошки’) возможно в разговорной речи, литературное чеш. — *kočkovití*; в польском — *koty* и *kotowate*. Терминологическое обозначение семейства кошачьих всегда соотнесено с родовым: ср. рус. *кошачьи* (от *кóшка*), укр. *котóви* или *котячі* (от *kít*), бел. *каціныя* (от *кот*), пол. *kotowate* (от *kot*). Основное название кошки может употребляться и применительно к другим представителям семейства кошачьих, ср. рус. *кóшка*, чеш. *kočka* — о тигре, льве, барсе и т. п., а название самца может обозначать также других животных, ср. в рус. *кóтик*, укр. *кóтик*, бел. *кóцік* — ‘морское млекопитающее семейства ушастых тюленей, а также мех и изделия из меха, шкуры этого животного’.

Во всех славянских языках известны уменьш.-ласк. варианты, образованные от основного слова или от подзывных слов, ср.: рус. *кýса*, *кóша*, в рус. говорах *кóтичек* (СРНГ 15: 105), *котúльенька* (СРНГ 15: 114), укр. *котýсь*, бел. *кíса*, *кóцік*, *кóшачка*, слвц. *tačíčka*, чеш. *kočíčka*, серб. *máča*, хорв. *máca*, *míca* и т. д. Встречаются и сложные образования, состоящие из двух корней, причем первая их часть — это обозначение кошки, образованное от подзывного слова, а вторая часть представлена основным или уменьш.-ласк. обозначением кошки: рус. *кýса-кóшка*, хорв. *míca-máca*. К увеличительным вариантам относятся рус. *котíце* (разг.), *котýра* (прост.), *котóга* (СРНГ 15: 118), укр. *котýра*, *котóга*, мак. *мачкиште* (ср. р.), серб. *мачéтина*, *мачéтина*, *мачýрина*, хорв. *tačkétiña*.

Основные названия кошки в славянских языках имеют вторичные значения, относящиеся к 1) техническим приспособлениям (по внешнему сходству или характерным действиям): якорю (рус. *кóшка*, укр. *кíшка*, бел. *кóшка*, болг. *кóтка*, мак. *máčka*, серб. *mačka*; пол. *kot*, хорв. *máčak*); грузоподъемному устройству (рус. *кошка*, болг. *кóтка*, чеш. *kočka*, слвц. *tačka*); прикрепляемому к обуви металлическому приспособлению с острыми шипами (рус. *кóшки*, укр. *кíшки*, бел. *кóшкі*, чеш. *tačky*, слвц. *tačky*, болг. *кóтки*, мак. *máčki*); хорв. *máčka* обозначает также железную подставку в очаге, на четырех ножках, поперек которой выкладывают длинные бревна (другое ее название — *prijéklad*); 2) к растительности, ср., например, для обозначения пушистых соцветий вербы используется слово, образованное от родового названия (чеш. *kočíčka* — от *kočka*, pl. *kočíčky*, болг. *кóтка* — pl. *кóтки*, а также *кóтенце* ‘котёнок’ — pl. *кóтенца*, серб. *máča* — pl. *máče*²; укр. *кóтик* — от *kít*, pl. *кóтики*, бел. *кóцік* от *кот*, pl. *кóцікі*; в пол. *kotka* — pl. *kotki* и *kotek* — от *kot*, pl. *kotki*), а также другие растения, ср. рус. диал. *кóтик* — ‘фиалка опушённая (лат. *Viola hirta L.*)’ и др. (СРНГ 15: 105);

² Отметим, что в серб. используется не основное название кошки — *máčka* — а уменьш.-ласк. форма *máča* (PCJ; Штрабац Г. Р., Штасни Г. Р. Лингвокультурологички аспекти лексеме *мачка* у српском језику // Јужнословенски филолог LXXIX, св. 1 (2023). С. 73–74).

3) к меху как части одежды: серб. *mâčka*, чеш. *kočka* ‘мех на воротнике’, рус. диал. *кóтик* ‘пушистый меховой воротник (из любого меха)’ (СРНГ, 15: 105).

Названия кошки часто используются для обозначения людей, ласкового обращения к людям и выражения отношения к ним (обычно уменьш.-ласк. обозначения, ср. рус. *кóшечка*, *кóша*, *кóтик*, *кóтя*, чеш. *kočíčka*, слвц. *mačička*, болг. *кóтенце*, серб. *mâče*) или для указания на определенные особенности людей (черты внешности и характера). Ср. мак. *máčka*, серб. *mâčka*, хорв. *mâčka*, слвн. *mačka*, чеш. *kočka* в значении ‘красивая, привлекательная женщина (девушка), красавица, красотка’ (разг., жарг.); это одно из сравнительно поздних значений (XX в.). В значении ‘женщина, опытная в чём-либо, умелая’ известно слвн. *mačka* (например, *novinarska mačka*, *televizijiska mačka*) (экспр.); ср. болг. *котка* — перен. (разг.) о хитром, ловком в своем поведении человеке (с положительной коннотацией).

Обозначения самца кошки нередко имеют отрицательные коннотации: рус. (прост.) *кот* означает ‘сутенер’; *kocour* (чеш.), *kocúr* (слвц.) — ‘старый волокита’, ‘пожилой распутник’; болг. *котараќ* — ‘мужчина, который любит и умеет ухаживать’, примерно такое же значение у хорв. *mâčor*; другая семантика у рус. диал. *кот* ‘бродяга, оборванец; хулиган’ (СРНГ 15: 100), *котовьё* (собир.) ‘бродяги, оборванцы’ (СРНГ 15: 110), *котъё* ‘босяки’ (СРНГ 15: 118)³.

В серб. и хорв. *máčak* (*máčak*) означает человека очень опытного, хитрого, ловкого, изворотливого (нередко — с положительной коннотацией), ср. хорв. *stârît máčak*. В хорв. диалектах обозначение кота может использоваться и в несколько ином значении, также положительном: ср. варажд. *mácan* ‘сильный, крепкий мужчина’ (LIPPLJIN 2013: 677).

В русских говорах, в фольклоре кот наделяется собственными именами (производными слова *кот*): *Котофéй* (фольк.) ‘о коте’ (СРНГ 15: 112), *Котинá* (фольк.) ‘имя кота’, *Котинá Ивáнович* (СРНГ 15: 105), *Kotáj* (фольк.), *Kotáj Ивáнович* ‘имя кота в сказках’ (СРНГ 15: 101), *Котонáевич*, *Кот Котонáевич* (фольк.) ‘о коте’ (СРНГ 15: 111), *Котонáй*, *Кот-Котонáй* (фольк.) ‘о коте’ (СРНГ 15: 111), *Котонáйло* (фольк.) ‘о коте’, *Котонáйло Ивáнович* (СРНГ 15: 111).

У славян существует множество народных представлений, поверий, связанных с кошкой. Например, распространено представление о кошке как о домашнем покровителе, присутствие которого оказывается благоприятно на всем хозяйстве (ср. обычай при новоселье первой в дом пускать кошку, см.: Гура 2019: 335–370, Гура 1999: II, 637–640). Народные представления о кошке (коте, котятах) отражены в славянской фразеологии, напри-

³ Негативная окраска вторичной семантики у обозначений самца кошки прослеживается и в языках более широкого круга — за пределами славянского ареала, ср. перен. значение слова *motan* ‘кот’ в румынском языке — ‘лицемер, ханжа, двуличный человек’ (Dicționar. P. 602).

мер: 1) ‘живут как кошка с собакой’: чеш. *jsou na sebe jako pes a kočka*; серб. *живети (слагати се) као пас и мачка*, хорв. *kao pas i mačka*; пол. *żyć jak pies z kotem*; укр. *жити, як кішка з собакою*; болг. *като куче<то> и котка<та>*; слвн. *gledati se kot pes in mačka*; мак. *се сакаат како мачка и куче*. Источником этого выражения является немецкий фразеологизм *leben wie Hund und Katze*; 2) ‘Без кота мышам масленица’ (‘Кот из дома — мыши в пляс’): пол. *myszy tańcują, kiedy kota nie czują*; чеш. *když kocour není doma, myši mají práh*; хорв. *kad mačka ode miševi kolo vode*; слвн. *ko mačke ni doma, miši plešejo*. Выражение также восходит к немецкому *Wenn die Katze fort ist, tanzen die Mäuse*. Некоторые фразеологизмы и поговорки ограничены тем или иным ареалом. Например, у южных славян распространена поговорка: болг. *Нямам ни куче, ни котка* ‘у меня нет ни собаки, ни кошки’; мак. *Нема ни куче ни маче*; серб. *Нема ни кучета ни мачета*; хорв. (*Nema*) *ni kučeta ni mačeta* — ‘(у него нет) ни щенка, ни котёнка’ — выражение, говорящее о чьем-л. одиночестве, о бедности.

С. Г. Гаджиева

ЩЕНОК

(рус. щенок (м.); укр. цуценя (н.), щеня (н., реже); бел. шчаня (н.), шчане (н.); пол. szczenię (н.); каш. szczeniā (н.); полаб. stiną (н.); в.-луж. šćenjo (н.); н.-луж. šćenje (н.); чеш. štěně (н.); слвц. šteňa (н.), psiča (н.); болг. кутрё (н.), кученце (н.); мак. кученце (дем.) (н.); серб. куче (н.); хорв. štene ~ štène (н.); слвн. ščeně (н.); ст.-сл. и ц.-сл. щенъць (м.); лит. šuniūkas; рум. cățel; алб. qenush, këllysh; венг. kölyökkutya, kiskutya)

В большинстве слав. языков в значении ‘щенок’ используется континуант п.-сл. *ščenę (Фасмер 1987 (IV): 502): рус. щенок, укр. щеня, бел. шчаня (н.), шчане, пол. szczenię, каш. szczeniā, полаб. stiną, в.-луж. šćenjo, н.-луж. šćenje, чеш. štěně, слвц. šteňa, серб. штène, хорв. štene ~ štène, слвн. ščeně. Помимо основного слова, которое чаще всего среднего рода, в некоторых языках употребляются и слова мужского рода, образованные от того же корня присоединением суффиксов: бел. шчаник, пол. szczeniak (разг.), хорв. šténac, štěnić (ласк.), ст.-сл. и ц.-сл. щенъць, а также современное рус. щенок, вытеснившее прежнюю форму щеня (ср. Даль 1882 (IV): 675). Возможны также суффиксальные образования ласк. форм среднего рода: бел. шчанятка (н., ласк.). В мак. яз., хотя основное обозначение понятия ‘щенок’ (кученце) образовано от другого корня, корень штен- всё же сохраняется в лексеме штéнечак ‘заразная болезнь щенков’.

В языках восточной части южнославянского ареала используются слова с другим корнем: болг. кутрё, кученце; мак. кученце (дем.), серб. куче. К ним примыкает и периферийное для русского языка употребление слов кутёнок, кутя и кутя ‘щенок’ (диал.). О. Н. Трубачев отметил чрезвычайную распространенность слов с этим корнем, в том числе и в рус. говорах,

причем они обозначают «главным образом щенка, реже — суку, вообще собаку» (Трубачев 1960: 25),ср. рус. *ку́тня* (Яросл.), *кутнá* (Нижегор.), *ку́тёк*, *ку́тик*, *кутнóк* и др. (СРНГ 1980 (16): 167–169, 178–179). В укр. языке основное обозначение — *цуценя́* (н.). Ср. рус. *цу́чик* ‘щенок’ (простореч.) (ССРЛЯ 1965 (17): 722).

Кроме перечисленных слов, используемых в слав. языках в качестве основных обозначений щенка, употребляются и их синонимы, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов от корней, служащих для обозначения взрослого животного: рус. *диал. собачá*, *собачонок*, бел. *сабачанá* (н.), *сабачанé*, *сабачанýтка* (н., ласк.), укр. *собачá* (н., разг.), слвц. *psiča*, слвн. *psíček*.

Продолжения п.-сл. **ščenę* в ц.-сл., рус., бел., укр. и пол. служат обозначением не только детеныша собаки, но и обобщенным названием детенышей диких зверей (ср. то же явление во многих и.-е. языках, Buck 1949: 180). Свидетельство употребления слова в таком значении содержится в ц.-сл. текстах: *щеньцъ* — *щеньцъ львовъ* ‘львенок’ (SJS 1997 (IV): 820). Слово может употребляться в отношении детеныша волка, лисы, песца, соболя, мыши (Белова 2001: 273), моржа (Даль 1882 (IV): 675). Глагол *щениться* можно употребить в отношении собаки, а также самки волка, лисы, моржа, тюленя (Даль, там же). Сюда же относится рус. *щённая* беременная (о собаке, а также волчице, лисе и т. п.) (ССРЛЯ 1965 (17): 1672).

В рус., укр., бел., пол., чеш., слвц. и серб. языках распространено употребление слов со значением ‘щенок’ в перен. смысле: ‘молодой, неопытный человек, молокосос, мальчишка’ (бран. или пренебр.): рус. *щенóк*, бел. *ицчанóк*, укр. *цуценя́*, *щеня́*, чеш. *štěně*, слвц. *šeňa*, пол. *szczenię*, *szczeniak* (разг.), серб. *штёне*. Ср.: в рус.: «Досуг мне разбирать вины твои, щенок!» (И. А. Крылов «Волк и ягненок»), в бел.: *Як ты размаўляеши са старэйшымі, иччанюк!* ‘Как ты говоришь со старшими, щенок!’ (ТСБЛМ 2016). Важно отметить, что в польском языке такое употребление в перен. смысле получило особенное лексико-словообразовательное распространение и семантическое развитие, и данный корень (в перен. значении) лег в основу целого словообразовательного гнезда, в котором большинство слов уже употребляется только в этом новом значении, ср.: *szczeniacki* (разг.) ‘ребяческий, мальчишеский’, *szczeniactwo* (разг.) ‘ребячество, мальчишество’, *szczenięctwo* ‘мальчишество, ребячество’, *szczenięcy* 1. ‘щенячий’; 2. *перен.* ‘мальчишеский, ребяческий’; *szczenięce lata* ‘мальчишеский возраст’.

Отмеченное перен. значение ‘молодой, неопытный человек, молокосос, мальчишка’ (бран. или пренебр.) — свойственно словам с основным значением ‘щенок’ и в некоторых языках других групп и.-е. яз. семьи, а также и др. яз. семей мира⁴.

⁴ См. значение ‘inexperienced’ в статье *Puppy (of a dog): Database of Semantic Shifts in the Languages of the World*: <https://datsemshift.ru/shift172>

В рус., бел. и укр. для континуантов п.-сл. *ščenę возможно употребление и во втором перен. значении — о ребенке (пренебр.): «Варвара, уйми своего щенка, а то я ему башку сверну!» (М. Горький, Детство).

C. Г. Гаджиева

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. Санкт-Петербург; Москва: Издание М. О. Вольфа, 1880–1882.

ЛКТЭ = Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НХЛ = Нижегородские христианские легенды. Сборник народных христианских легенд / Сост., вступ. ст. и ком. Ю. М. Шеваренкова; отв. ред. К. Е. Корепова. Нижний Новгород: ООО «КиТиздат», 1998.

ОЛА = Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.

РСЈ = Речник српскога језика / ур. *М. Николић*. Нови Сад, 2011.

СД = Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М.: Международные отношения, 1995–2012.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965.

ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1948–1965.

ТСБЛМ = Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І. Л. Кацывлова. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броука, 2016.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс. 1986–1987.

ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–, Вып. 1–.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Database of Semantic Shifts in the Languages of the World [онлайн ресурс]: <https://datsemshift.ru/>

Dicționar = Dicționar rus-român, român-rus. Chișinău: „Tipogr. Centrală“, 2004.

ESJS = Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1989–2018. Seš. 1–19.

Lipljin T. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin: Stanek Media d.o.o., 2013.

SJS = Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha, 1966–1997.

SSSL = Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. Jerzy Bartmiński. Lublin, 1996–. Tom 1–; Lublin, 2024 — Tom 3/1. Zwierzęta domowe.

Литература

- Аўлін Ц. Паміж небам і зямлёй. Этнаастрономія. Мінск: Тэхналогія, 2015.
- Белетић M. Кост од кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура. 1999. Бр. 4. С. 48–67.
- Белетић M. Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 89–101.
- Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М: Индрик, 2001.
- Влах. Богумил. Чертовы пальцы и Громовые стрелы: Магия и захарство в славянской традиции. Москва: ТД Велигор, 2022.
- Гура А. В. Символика кошки в славянской народной традиции // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 335–370.
- Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
- Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009.
- Кучко В. С. Традиция использования урочливых камней в Кологривском районе Костромской области // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 186–199.
- Младенова Д. Звездното небе над нас: етнолингвистично изследване на балканските народни астроними. София: Марин Дринов, 2006.
- Нелихов А. Е. Мифы окаменелостей: От костей великанов и пальцев водяных до зубов дракона и стрел с неба. М.: МИФ, 2025. С. 210–233.
- Русинова И. И. Камни в народной магии и медицине русских Пермского края // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы. Монография / отв. ред. Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных. СПб: Маматов, 2024. С. 168–188.
- Руссо М. М. Лексические источники названий «народных царств» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2011. № 3. С. 242–274.
- Темченко А. І. Традиційні замовляння: семантичні трансформації та обрядові парадигми. Черкаси: ІнтролігаТОР, 2014.
- Толстая С. М. Лексическая типология и этнолингвистика // Слово и человек. К 100-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. М.: Индрик, 2023. С. 275–289.
- Толстой Н. И. О славянских названиях деревьев: *сосна–хвоя–бор* // Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978. С. 115–27.
- Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.
- Толстой Н. И. Громовая стрела // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 561–563.
- Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

- Ушиаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2–3. С. 146–204.
- Шеппинг Д. О. Белемнит. Материалы для археологического словаря // Труды Императорского Московского археологического общества / под ред. Д. Н. Анутина. Москва, 1885. Т. 10. С. 196–197.
- Штрабац Г. Р., Штасни Г. Р. Лингвокултуролошки аспекти лексеме *мачка* у српском језику // Јужнословенски филолог LXXIX, св. 1 (2023). С. 57–96.
- Яворский Ю. Громовые стрелки. очерк по истории южнорусского фольклора. Киевская старина. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. № 7–8. С. 227–238.
- Babik Z. Pojednanie z lasen: w stulecie «argumentu florystycznego» w slawistycznych badaniach etnogenetycznych (1908–2008). Krakow, 2008.
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1949.
- Červinka I.L. Hromové kameny. Pravěké nástroje v lidovém léčení // Časopis Společnosti přátel starožitností českých v Praze / Red. J.V. Šimák. Roč. V. Praha: Nákl. Společnosti, 1897. S. 46–49, 90–93.
- Mazurkiewicz M. Kamień piorunowy w polszczyźnie i kulturze ludowej // Język i kultura. T. 1 / Pod red. J. Anusiewicza i J. Bartmińskiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1988. S. 251–262.
- Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1957.
- Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1991.
- Schneewies E. Vjerovanja i običaji Srba i Hrvata / Red. I. Lozica. Zagreb: Tehnička knjiga, 2005.
- Szafranska A. Jak kamień piorunowy stał się belemnitem, a fulguryt kamieniem piorunowym // Bogactwo polszczyzny w świetle jej historii / Red. J. Przyklenk, W. Wilczek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016. T. 6. S. 100–108.

References

- Avilin, C., 2015. *Between heaven and earth. Ethnoastronomy*. Minsk: Tjehnalogija. (In Belarussian)
- Babik, Z., 2008. *Pojednanie z lasen: w stulecie «argumentu florystycznego» w slawistycznych badaniach etnogenetycznych (1908–2008)*. Krakow.
- Belova, O. V., 2001. *Slavic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Bjeletić, M., 1996. Of nine blood brothers (phytonyms and kinship terms). *Codes of Slavic cultures*, No. 1, pp. 89–101. (In Serbian)
- Bjeletić, M., 1999. Bone to bone (body parts as markers of kinship). *Codes of Slavic cultures*, No. 4, pp. 48–67. (In Serbian)
- Buck, C. D., 1949. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago — London: The University of Chicago Press.

- Červinka, I. L., 1897. Hromové kameny. Pravěké nástroje v lidovém léčení. In: *Časopis Společnosti přátel starožitnosti českých v Praze* / red. J. V. Šimák. Roč. V. Praha: Nákl. Společnosti, 1897. S. 46–49, 90–93.
- Ermolov, A. S., 2013. *Folk agricultural wisdom in proverbs, sayings and signs* / Comp. and ed. by O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian)
- Gura, A. V., 2019. Symbolism of the cat in the Slavic folk tradition. *Slavic Almanac*, No. 1–2, pp. 335–370. (In Russian)
- Javorskij, Ju., 1897. *Thunderbolts. An essay on the history of South Russian folklore. Kiev antiquity*. Kiev: Publ. Imp. University of St. Vladimir N.T. Korchak-Novitsky. No. 7–8, pp. 227–238. (In Russian)
- Kuchko, V. S., 2024. Tradition of Using *Urochlivye Kamni* “Jinx Stones” in the Koligrivsky District of the Kostroma Region. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 186–199. (In Russian)
- Mazurkiewicz, M., 1988. Kamień piorunowy w polszczyźnie i kulturze ludowej. In: *Język i kultura*. T. 1 / Pod red. J. Anusiewicza i J. Bartmińskiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. S. 251–262.
- Mladenova, D., 2006. *The Starry Sky Above Us: An Ethnolinguistic Study of Balkan Folk Astronyms*. Sofia: Marin Drinov. (In Bulgarian)
- Moszyński, K., 1957. *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Nelihov, A. E., 2025. *Myths of fossils: From bones of giants and fingers of water to teeth of dragons and arrows from the sky*. Moscow, MIF, pp. 210–233. (In Russian)
- Popowska-Taborska, H., 1991. *Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum.
- Rusinova, I. I., 2024. Stones in folk magic and medicine of the Russian Perm region. In: *Stone in language and culture. Folk mineralogy: vocabulary, plots, rituals. Monograph* / eds. by E. L. Berezhovich (ed.), A. V. Chernykh. St. Petersburg: Mamontov Publ. pp. 168–188. (In Russian)
- Russo, M. M., 2011. Lexical sources of the names “national kingdoms”. *Linguistics and methodology of teaching foreign languages*. No. 3, pp. 242–274. (In Russian)
- Schneewies, E., 2005. *Vjerovanja i običaji Srba i Hrvata* / red. I. Lozica. Zagreb: Tehnička knjiga.
- Shepping, D. O., 1885. Belemnite. Materials for an archaeological dictionary. In: *Transactions of the Imperial Moscow Archaeological Society* / Ed. by D. N. Anuchin. Moscow. T. 10, pp. 196–197. (In Russian)
- Štrbac, G. R., Štasni, G. R., 2023. Linguistic aspects of lexeme cat in Serbian language. *South Slavic philologist LXXIX*, No. 1, pp. 57–96. (In Serbian)
- Temchenko, A. I., 2014. *Traditional incantations: semantic transformations and ritual paradigms*. Cherkasy: IntroligaTOR. (In Ukrainian)
- Tolstaja, S. M., 2023. Lexical typology and ethnolinguistics. In: *Word and man. To the 100th anniversary of the birth of Acad. N.Y. Tolstoy*. Moscow: Indrik, pp. 275–289. (In Russian)
- Tolstaya, S. M., ed., 2009. *The Category of Kinship in Language and Culture*. Moscow: Indrik. (In Russian)

- Tolstoj, N. I., 1969. *Slavic geographical terminology. Semasiological studies*. Moscow.: Nauka. (In Russian)
- Tolstoj, N. I., 1978. About the Slavic names of trees: *sosna–hvoja–bor*. In: *Eastern Slavic and general linguistics*. Moscow: Nauka, pp. 115–27. (In Russian)
- Tolstoj, N. I., 1995. Thunderbolt. In: *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Vol. 1 / ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations, pp. 561–563. (In Russian)
- Trubachev, O. N., 1960. *The origin of names of domestic animals in Slavic languages (Etymological studies)*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian)
- Ushakov, D. N., 1896. Materials on the folk beliefs of the Great Russians. *Ethnographic review*. No. 2–3., pp. 146–204. (In Russian)
- Vlh., Bogumil., 2022. *Devil's Fingers and Thunderbolts: Magic and Healing in the Slavic Tradition*. Moscow: Veligor Publ. (In Russian)
- Szafrajska, A., 2016. Jak kamień piorunowy stał się belemnitem, a fulguryt kamieniem piorunowym. In: *Bogactwo polszczyzny w świetle jej historii* / red. J. Przyklenk, W. Wilczek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. T. 6. S. 100–108.